

ФОРМЫ УСТРОЙСТВА ОТСТАВНЫХ НИЖНИХ ЧИНОВ В АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ (вторая половина XIX века)

Одной из важнейших проблем любого государства было решение вопроса призрения воинов, утративших здоровье в результате войн и нуждавшихся в постоянной социальной помощи. В России, как и в других странах, эта проблема долгое время возлагалась на плечи населения. Пётр I начал вводить государственные формы такого обеспечения. Первоначально увечные и престарелые солдаты и офицеры имели право получать полное жалование по гарнизонному штату. Однако частые войны увеличивали количество имеющих право на такое пособие, что было обременительным для казны. В Петровскую эпоху увечные военнослужащие получили возможность доживать при монастырях на полном их иждивении либо в специально организованных богадельнях. В эти социальные учреждения и передавался полагающийся на увечных воинов пенсioen. Те же, кто мог жить собственным трудом или был взят на иждивение родственниками, такого пенсioenа не получали. Столь жестокое условие постепенно, к сожалению, вело к разрыву родственных связей. Жизнь в богадельнях была унижительной; на неё соглашались только в самом тяжёлом и безвыходном положении. Милосердные люди брали старых солдат к себе в услужение — так появились привратники в солдатских мундирах, «дядьки» для воспитания детей. «Мода» на старых солдат привела к такому явлению в русских городах, как «свадебный генерал», когда в мещанской среде считалось особым шиком принимать среди гостей человека в мундире и с правительственными наградами. Стремясь распространить благотворительность населения на максимальное число отставных, государство давало льготы по предоставлению

рекрутов тем помещикам, которые готовы были дать приют старому солдату. В крестьянской среде многие отставные солдаты, обученные в армии грамоте, передавали полученные знания сельским детям, получая за это небольшую материальную помощь от общества.

В Архангельске со второй половины XVIII века существовала «богадельня для покрова старостью обременённых и истощивших силы свои в службе государю и отечеству мужеского пола», т. е. для отставных военных, «не имеющих пристанища, родственников и пропитания». Правила для состоящих в богадельне предписывали им «никуда не отлучаться, кроме моления; не допускать беспорядки, ссоры, а паче пьянство и бродяжничество»¹. Существование таких жёстких правил указывает на то, что публика эта была довольно беспокойной. Если бы у «старых солдат» были средства для поддержания жизни, вряд ли бы они согласились на «богадельное» существование.

Правительство искало и другие формы поддержки неспособных к воинской службе солдат. С 1764 г. для них вводится пенсионное обеспечение, при этом они должны были «водворяться на жительство в особо указанные города: офицеры на три года, нижние чины — на шесть лет»². Очевидно, предполагалось, что за этот срок отставники смогут обжиться на новом месте, заняться каким-либо трудом, подходящим им по состоянию здоровья; завести семью, которая возьмёт на себя часть забот о ветеране. Гражданские должности с жалованьем рекомендовалось предоставлять именно отставникам.

С конца XVIII века при гарнизонных батальонах стали организовываться инвалидные роты и команды, в которых проходили службу неспособные более к воинской службе солдаты и офицеры. Инвалидные роты размещались в тыловых гарнизонах; опытные солдаты обучали рекрутов; силами инвалидных рот осуществлялись караульные функции при казённых учреждениях, воинских складах и т. д. В 1808 г. при Архангелогородском гарнизонном полку была также организована инвалидная рота, в которую определили находившихся в гарнизоне «88 человек нижних чинов таких, кои выключены из числа строевых для распределения в инвалидные роты, и сверх оных, до 170 человек, из коих большею частью поступило в прошедшее время из армейских полков по разным неизлечимым болезням совершенно к гарнизонной службе неспособные»³.

Инвалидные роты подразделялись на разряды в зависимости от выполняемых функций. До 1823 г. были инвалидные команды, схожие с богадельными учреждениями — в них состояли солдаты, неспособные к выполнению какой-либо работы. В середине XIX века, накануне упразднения инвалидных рот, в России оставалось 104 так называемые подвижные роты (в том числе 5 соляных), 584 уездных инвалидных и 296 этапных команд⁴.

В 1828 г., кроме Архангельска, в губернии был расквартирован 401 нижний чин инвалидных и этапных команд. Инвалиды, несущие караульную службу, размещены были следующим образом: в г. Шенкурске — шесть человек, в селениях Шенкурского уезда — 41, в г. Пинеге — 20, в уезде — 24, в г. Мезени — шесть, в Онеге — 38, в Кеми — 41, в Коле — 53. Этапные команды, занятые доставкой арестованных и рекрутов, а также сопровождением грузов, размещались в Сийском погосте Холмогорского уезда (47 нижних чинов) и в с. Тарасове Шенкурского уезда (47). При заводах Онежского соляного управления инвалидные (так называемые «соляные») команды размещались в Унском посаде Архангельского уезда (восемь человек), в Кулойском посаде Пинежского уезда (семь), в селении Владыченском Онежского уезда (девять). Нижние чины соляных команд занимались обслуживанием и охраной казенных соляных заводов⁵.

Одновременно с приисканием занятий военным инвалидам власти пытались найти и другие способы обустройства старых солдат. Сроки службы с 1793 г. были ограничены 25 годами, с 1834 г. рекрут служил 20 лет, а остальные пять лет считался в бессрочном отпуске. Накануне отмены рекрутской повинности, в 1860-е годы, срок действительной службы в армии был сокращен до 12 лет, после чего солдат выходил в отпуск на три года, а затем уже увольнялся «вчистую». Затем был введён так называемый временный отпуск на три года, в который солдат направлялся через семь лет службы в войсках, после чего начинался отпуск «бессрочный».

Введение «бессрочного отпуска», во время которого солдат был освобождён от службы, обязанный при этом явиться к ней по приказу, преследовал две цели: «1) чтобы для облегчения государственных расходов уменьшить наличное число членов, находящихся под ружьём, не расстраивая основного состава армии в военное время; 2) чтобы, сократив срок действительной службы солдат, дать им возможность возвращаться на родину в летах, ещё не преклонных, и быть полезным в своих семействах»⁶.

Военнослужащие, получившие отставку в связи с утратой здоровья, были главным резервом властей при формировании сословия низших служащих. Так, в 1806 г. военное министерство, озабоченное проблемой укомплектования штатных городских команд (исполняющих полицейские функции), распорядилось предлагать «отставным чинам, уже восстановившим своё здоровье на родине, вступать в команды по своей воле», при этом служба оформлялась особым контрактом и должна была продолжаться не менее трёх лет⁷. Это был неплохой способ устройства для солдат, которые за годы службы порядком отвыкли от труда своих отцов, что создавало значительное напряжение в их семьях. По авторитетному мнению знатока народной жизни Архангельской губернии П.С. Ефименко, «отставные солдаты менее трудолюбивы, занимаются земледелием небрежно»⁸.

Ещё в конце XVIII в. старых солдат пытались расселять в отдалённых районах губернии, что вызывало недовольство губернаторов, отмечавших, что такие насельники «не только как тунеядцы служат к великой тягости земледельцев, но, находясь всегда в праздности, по отвычке их от земледелия и по самой несвойственности оного многим из них, не подают никакой надежды, чтобы они могли быть когда-либо полезными поселянами...»⁹. Дело в том, что многие солдаты были отданы в рекруты по решению обществ, как «бесполезные для общества члены». Военная служба окончательно отучала их от привычных сельских занятий.

Бывали случаи, когда родственники отказывались принимать отставных и отпускных солдат в дом. Так, в Вологодской губернии суд рассматривал подобную жалобу отставного рядового, который «по жестокосердию тестя и жены не может вернуться в дом, откуда его выгнали». Следствие по этой жалобе выяснило, что, женившись ещё до воинской службы, истец «отлучался на заработки, где занимался пьянством, через что вовлёк себя в совершенное распутство, и был приведён домой. Не только не мог поддерживать хозяйство, но не был в силах пропитывать себя и жену», за что, как бесполезного, его и сдали без очереди в рекруты. Тесть солдата выкупил его долги, чтобы обеспечить дочери с детьми сносное существование. Учитывая, что возвращение такого «отца семейства» приведёт вновь к обнищанию его жены и детей, суд оставил жалобу без последствий¹⁰.

Возвращение солдата со службы нередко было кошмаром для общества, которое когда-то постаралось от него избавиться. Роди-

тельское имущество было уже разделено между остальными членами семейства. Закон в этом вопросе солдата не защищал, а обычное право, которым руководствовались крестьяне, в разных местах было различным. «Возвратившиеся совсем со службы обыкновенно никакого участка в наследстве не имеют, и потому-то часто ходят с жалобами, особенно в Пинежском уезде... Дать часть семейного имущества солдату или не давать — зависит от доброй воли родственников. Обычай в этом вопросе у крестьян нет»¹¹. П.С. Ефименко отмечал, что отношение к «бессрочноотпускным» солдатам в разных селениях Архангельской губернии разнится. «В Пингисах и Тулгасе встречают солдат нерадушно, и в продолжение всей гостыбы он только и слышит — скоро ли тебе идти-то? В Пинежском уезде солдатская шинель служит печатью отвержения. Отставной солдат — что старая девка в доме: выходи скорее вон!» На мирских сходах солдаты права голоса не имели. С другой стороны, в Зимней Золотице «солдат на сходе имеет первый голос»¹². Такое различное отношение к отставникам объясняется, видимо, экономическими условиями уездов: в Поморье (следовательно, в Зимней Золотице) земля не имела такой ценности, чтобы нерадушно относиться к новым членам общества, а бывалый человек, с другой стороны, пользовался большим уважением; не отпугивала поморов и нетрадиционность в поведении солдата.

Во время проведения реформы государственной деревни в 1839–1843 гг. была предпринята очередная попытка решить проблему устройства отставных солдат, которые после отбытия воинской службы освобождались от крепостного состояния и имели право на получение собственного земельного надела и другие формы устройства. В 1841 г. в 34 губерниях Европейской России в казенных селениях проживало 53 101 нижних чинов, из которых 33 658 были отставными и 19 443 в бессрочном отпуске¹³. Именно из среды отставников рекомендовалось выбирать сельских старост и волостных старшин, а также писарей, которым полагалось денежное содержание. На всех должностей не хватало. Поэтому автор реформы граф Киселёв рекомендовал губернаторам проводить политику «водворения» отставников, то есть заведения ими собственного хозяйства. Для этого крестьянским обществам предлагалось выделять солдатам, желающим «водвориться», земельный надел.

Специальное Положение «об устройстве военных нижних чинов, водворяющихся в казенных селениях» (1841 г.) выделяло три

категории бывших солдат, в соответствии с их собственными жизненными стратегиями:

1. Желавшие иметь своё хозяйство снабжались лесом для дома и денежным пособием 40–50 рублей на домашнее обзаведение. Их дома освобождались от воинского постоя. Они получали право пользоваться общественным выгоном и лесом, участвовать во взаимном страховании от огня и получении продовольственной ссуды. Имели право вернуть себе одного сына, взятого в кантонисты, для поддержания хозяйства. Впоследствии они были освобождены от оброка, земских податей, денежных повинностей, но натуральные повинности обязаны были отбывать наравне со всеми.

2. Солдаты, предпочитавшие вернуться на родину и проживать в семьях у родственников, получали единовременное пособие 20–25 рублей серебром. Такая высокая по тем временам сумма должна была сделать отставников желанными для родственников.

3. Неспособные самостоятельно трудиться и не принятые своей семьёй имели право находиться на содержании общества, к которому были приписаны до приёма в воинскую службу; если общество было не в состоянии их содержать, они получали пенсию 6–9 рублей в год или помещались в благотворительные учреждения.

В результате мероприятий начала 1840-х гг. по устройству отставных солдат в среде государственных крестьян была образована привилегированная группа держателей казённой земли. Формально отставные солдаты не считались крестьянами, но, по существу, от них не отличались. В Архангельской губернии на 1840 г. устройство было следующим: семеро имели собственное сельское хозяйство и жили собственными домами; 107 были приняты родственниками. Оторвались от крестьянских занятий 36 человек; из них 13 занимались ремёслами, трое торговлей, 10 состояли «при казённых должностях», 11 — «при частных». 15 отставников «пропитывались подённой работой». По крайней мере 15 человек оставались неустроенными. «Бессрочно отпускные в отношении к местным жителям и властям ведут себя хорошо и жалоб на них не было», — отмечалось в губернаторском отчете¹⁴.

В 1842 г. «отставных в губернии состоит 2114. Из них живут хлебопашеством 546, промыслами и частной службой — 1344, находятся на инвалидном содержании 212, по дряхлости состоят в богадельне 12». Размещённые в губернии бессрочноотпускные «ведут себя хорошо. Хлебопашеством занимается 64 человека, осталь-

ные же ремёслами и частью по найму, отправляют разные службы. Неустроившихся в губернии пятеро»¹⁵.

С началом «великих реформ» отставные солдаты лишаются своего «особого положения», и органы власти стремятся вернуть их «в первобытное состояние», то есть в сословие, из которого они были призваны на службу.

Получая отставку — с действительной службы или, как стало практиковаться с 1830-х гг., — после бессрочного отпуска, солдат получал паспорт и право «жить где пожелает, во всяком городе, уезде или у своих родственников, водвориться в казённых селениях, или на отведённой земле — в таком случае это поселение обязано будет с дозволения своего начальства принять его к своей волости как казённого крестьянина с поставкой его в первую же ревизию». Те, кто не желал заниматься сельским хозяйством, приписывались к городским податным обществам — по своему желанию и с разрешения самого общества. Например, в 1852 г. перед Архангельским мещанским обществом был поставлен вопрос о принятии в его состав отставного солдата Г. Беднягина, отбывшего срок наказания в местных арестантских ротах. По закону, он имел право выбрать для себя общество, в котором желал бы в дальнейшем жить, если данное общество будет согласно его принять; однако архангельские мещане ответили отказом¹⁶. Вместе с тем довольно часто отставные солдаты принимались обществами, особенно если имели какую-либо специальность. В Архангельском адмиралтействе большинство нижних чинов были именно мастера-выми, получая профессиональное образование в специальных училищах. Надо полагать, таких людей, если к тому же они или их жёны имели недвижимость в городе, приписывали к мещанскому обществу без всяких проблем.

Бывшие солдаты устраивались в городах и другими способами. Нередко во время службы они и их семейства обрастали имуществом в гарнизонах, солдатские жёны занимались торговлей и ремесленным производством, владели собственными домами. Выходя в отставку, солдаты продолжали жить здесь же, иногда выполняя прежние обязанности, но уже как вольнонаёмные. Так появилось постоянное население в военном селении Соломбала. На основании указа от 1803 г. здесь не имел права селиться никто из горожан, и лишь по распоряжению Главного командира Архангельского порта выдавались земельные участки военным служащим и их се-

мействам «для выстроения домов, с тем, чтобы сносить их по возникшей надобности. ...Постоянное водворение в оном селении дозволяется по распоряжению начальства только адмиралтейским и флотским чиновникам и служителям»¹⁷. В результате сложилась ситуация, когда «торговлей в Соломбале занимаются отставные нижние чины, их жёны и разночинцы»¹⁸ (под последними, очевидно, понимаются не приписанные ещё к гражданским сословиям солдатские дети, переданные отставным солдатам для «прокормления» их в старости).

В Новодвинской крепости, по отчёту губернатора за 1842 год, «жителей не имеется, на форштате оной живут в собственных домах более отставные оседлые нижние чины до 150 человек»¹⁹. После упразднения крепости в ней оставались только отставные солдаты, получившие здесь земельные участки и превратившие, по сути, в крестьян, которые и составили местное население.

Проблема бывших рекрутов преследовала общество ещё долго. Оторванные от своей среды, не все бывшие солдаты смогли вернуться после отставки к нормальной жизни. Получив по выходе в бессрочный отпуск 10-рублёвое пособие «на водворение», многие тратили эти деньги на другие нужды, а став старыми и немощными, обращались за помощью к государству. Так, бывший солдат, вышедший в отставку ещё в 1878 году, в 1910-е годы пытается получить помощь от своего сына, пинежского крестьянина, который, ссылаясь на недостаток земель, ему отказывает²⁰.

Неспособные к труду и не имеющие родственников, согласных взять их к себе, получали три рубля в месяц. На находившихся в богадельнях казна платила по шесть рублей в месяц. В начале XX века отслужившим по рекрутскому набору выдавалось ежегодное пособие в размере 28 рублей. Для выдачи пособий отставным солдатам был сформирован капитал, состоящий из 200-рублёвых взносов за каждого сданного рекрута, из десятирублёвых с нанимателей рекрутов, а также из сумм, которые должны были вносить государственные крестьяне, переходящие в мещанское и купеческое звание, — по 15 и 40 рублей соответственно.

Устройство отставных солдат — это не просто частная история «военной повседневности». Политика правительства в этой области укладывается в общий процесс утверждения социальных усто-

ев. Вообще, в России очень многие социальные изменения происходили как сопутствующие явления военных реформ. Петровская реформа привела к появлению государственных форм социальной помощи, способам замены обязательной службы «по выбору» службой по найму. Военная реформа 1870-х гг. привела к росту народного образования, развитию промышленности, социальной и территориальной мобильности.

За счёт отставных солдат решались многие социальные проблемы, в том числе гражданской службы, формирования ремесленного и торгового сословия. Можно предположить, что отрыв многих тысяч мужчин от семьи подтолкнул процесс распада патриархально-семейных связей. Распространение других модернизированных явлений также происходило с помощью солдат, приносивших в родные места новую культуру. Они выполняли как бы государственную миссию в этом отношении; в увольнительных документах начала XVIII века предписывалось старому солдату «милостыни не просить, платье носить немецкое и бороду брить»²¹. Постепенно — сначала с помощью законодательной политики государства, затем — вследствие проявления личной инициативы выходцы из «военного сословия» превращаются из представителей самого низшего слоя социума в наиболее мобильную в социальном и территориальном отношении часть русского общества.

¹ ГААО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 35. Л. 1.

² Инвалиды // Энциклопедический словарь под ред. Брокгауза и Эфрона. — Т. 25. СПб., 1894. С. 44–45.

³ РГВИА. Ф. 1. (Канцелярия военного министра). Оп. 1. Т. 1 Д. 1538 (О учреждении при Архангелогородском гарнизонном полку инвалидных рот). Л. 1.

⁴ Инвалиды // Энциклопедический словарь под ред. Брокгауза и Эфрона. — Т. 25. СПб., 1894. С. 44–45.

⁵ ГААО. Ф. 1. Оп. 9 Д. 284 Л. 7.

⁶ Бессрочный отпуск // Энциклопедический словарь под ред. Брокгауза и Эфрона. — Т. 5. СПб., 1891. С. 314.

⁷ РГВИА. Ф. 1 (Канцелярия военного министра). Оп. 1. Т. 1 Д. 1034. Л. 2.

⁸ Ефименко П.С. Сборник народных обычаев Архангельской губернии. — Архангельск, 1866. — С. 56.

⁹ РГВИА. Ф. 1 (Канцелярия военного министра). Оп. 1. Т. 1. Д. 1248 (1807 г. По отношению Сибирского генерал-губернатора Пестеля...). Л. 7 об.—8.

¹⁰ Вологодские губернские ведомости. 1866. Приложение к № 5.

¹¹ Ефименко П.С. Сборник народных обычаев Архангельской губернии. — Архангельск, 1866. С. 54.

¹² Ефименко П.С. Сборник народных обычаев Архангельской губернии. — Архангельск, 1866. С. 56.

¹³ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселёва. Т. II. — М.—Л., 1958. С. 70–72.

¹⁴ ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 2. Д. 189 (Рапорт губернатора об обозрении присутственными мест губернии. 1840 г.). Л. 27–31.

¹⁵ Там же. Д. 188 (Отчёт о состоянии губернии за 1842 год). Л. 21–22.

¹⁶ Там же. Ф. 76. Оп. 1. Д. 121.

¹⁷ Там же. Ф. 91 (Архангельская торговая депутация). Оп. 1. Д. 30 (Указы... 1843 г.) Л. 19–21.

¹⁸ Там же. Л. 1.

¹⁹ Там же. Ф. 1. Оп. 4. Т. 2. Д. 188 (Отчёт о состоянии губернии за 1842 год). Л. 74 об.

²⁰ Там же. Ф. 120. Оп. 1. Д. 519 (По присланным МВД прошениям нижних чинов и вдов их о назначении им пенсий и пособий от казны. 1910–1912 гг.). Л. 21, 28.

²¹ Цит. по: Колтовой Е.Ф. Отставные военнослужащие Троицкой и Богоявленской Ухтоостровских волостей Двинского уезда Архангельской губернии первой половины XVIII века // Защитники Отечества: Материалы XVII региональных общественно-научных чтений по военно-исторической тематике. — Архангельск, 2005. С. 40.